

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1132-1141
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1132

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Status of the Kalmyk Zaisangs in the XVIIIth century

Maksim M. Batmaev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center of the RAS, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a problem little studied in modern oriental studies – the status of the Kalmyk zaisangs, especially its economic and administrative role in the historical life of the Kalmyk people in the Khan period. The work is based on archival materials, introduced into scientific circulation for the first time. In the course of their analysis, historical-genetic, historical-comparative, and historical-systemic methods were used. The zaisang estate played an important role in the history of the Kalmyk people. Occupying a middle position in the class hierarchy of the Kalmyks, they were the link between the upper and lower classes of the entire people. Zaisangs were the mainstay and closest assistants of their owners (noyans), could be used for special assignments or as advisers. In case of serious difficulties, the owners could turn to their zaisangs. At the same time, the zaisangs were completely at the mercy of their noyan, who could take away the aimag entrusted to him or even kill him under certain circumstances. However, the zaisangs could act against noyan as a cohesive group and succeed, especially when he violated established laws and generally accepted customs. In relation to the commoners, the zaisangs had broad powers, especially in matters of tax collection and distribution of public duties, including military mobilizations. Historical circumstances led to the situation that in the zaisang realm there was a large percentage of people from the realm of commoners. At the same time, in some aimags, the position of zaisang becomes hereditary. In general, as a class, the zaisangs had great potential and had effective leverage to manage the Kalmyk society in the direction it needed.

Keywords: zaisangs, Kalmyks, nomads, class group, social relations, Kalmyk Khanate, Zargo.

1. Введение

В калмыцком обществе XVIII в. большую роль играло сословие зайсангов. Обобщая, можно сказать: нойоны господствовали, зайсанги управляли, простолюдины разных категорий подчинялись и исполняли. В административном отношении калмыки проживали в хотонах, аймаках и улусах. Зайсанги находились на социальной лестнице ниже нойонов и выше простолюдинов, но, разумеется, естественным образом контактировали с ними и участвовали в жизненных процессах своих соседей с той и другой стороны. Вход в среду нойонов формально не мог состояться, а вот с народными массами они сожительствовали более тесно, и даже немалая часть их была выходцами из этой среды. Большинство зайсангов управляли аймаками и имели возможность влиять в первую очередь на внутрикалмыцкие дела. Сказанное означает, что историки, занимающиеся изучением внутрисполитического и экономического развития Калмыцкого ханства, должны не в последнюю очередь обратить пристальное внимание на историческое положение калмыцкого зайсангства во всей его многогранности.

2. Материалы и методы

Цель предлагаемой статьи заключается в желании внести по возможности скромный вклад в ликвидацию указанной выше недостаточности. Для достижения поставленной задачи были

* Corresponding author

E-mail addresses: nel_max73@mail.ru (M.M. Batmaev)

привлечены впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, в первую очередь из фондов 35 и 36 Национального архива Республики Калмыкии (НА РК). А также привлечены некоторые сведения из Фонда 119 «Калмыцкие дела» хранящихся под одним и тем же номером в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 119) и Архиве внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ. Ф. 119).

В основу статьи был положен классический историко-генетический метод, позволивший последовательно раскрыть исследуемую тему в процессе ее исторического развития. В ходе работы пришлось привлечь большой объем сведений, вкрапленных в другие научные исследования, а также архивные материалы, сравнительный анализ которых обусловил активное применение историко-сравнительного метода. Для понимания места социальной группы зайсангства в сословном обществе калмыцких кочевников, ее статуса, раскрытия особенностей взаимоотношений зайсангов с нойонами и простолюдинами в XVIII в. был применен историко-системный метод.

3. Обсуждение

Между тем специальных работ по истории калмыцкого зайсангства не имеется. Сведения о зайсангах скупо вкраплены в работы на другие темы. В XVIII в. В.М. Бакунин посвятил зайсангам как сословию два абзаца (Бакунин, 1995: 76), но его труд пролежал без движения на полке вплоть до 30-х годов прошлого века. П.С. Паллас вскользь заметил, что улус делится «на кочующия неподалеку одна от другой толпы или Аймаки, и сими управляют дворяне, по их сайсанг называемыя» (Паллас, 1773: 484). В первой половине XIX в. вышли работы Н.Я. Бичурина (Иакинфа), Н.А. Нефедьева и Ф.А. Бюлера по истории и этнографии калмыцкого народа (Бичурин, 1834; Нефедьев, 1834; Попов, 1839; Бюлер, 1846) в которых так или иначе упоминались зайсанги. Однако из названных авторов краткое определение зайсангам дал только Бюлер: «зайсанги – владельцы аймаков» (Бюлер, 1846: 21).

Во второй половине XIX в. появились работы П.И. Небольсина, К.И. Костенкова, М. Новолетова, где также немногословно давалась характеристика калмыцких зайсангов (Небольсин, 1852; Костенков, 1870; Новолетов, 1884; Позднеев, 1886). В частности, К.И. Костенков считал, что нойоны раздавали аймаки для управления своим дальним родственникам или избранным лицам, «которые, от слова цзисан, назывались цзайсан, или зайсанг» (Костенков, 1870: 31-32). Это мнение стало преобладающим в дореволюционной историографии Калмыкии. Более того, в советское время этого взгляда придерживался И.Я. Златкин (Златкин, 1983: 333).

Промежуточное положение между дореволюционной и советской историографией занимает Н.Н. Пальмов, полагавший, что под влиянием российской действительности «калмыцкие тайши, нойоны и зайсанги, считавшиеся раньше только предводителями в администраторов и владельцев, облеченных широкими полномочиями и правами, напоминающими права и полномочия русских воевод и помещиков» (Пальмов, 1922: 34). Свой вклад в изучение данной проблемы внес Б.Я. Владимирцов, возводя происхождение термина «зайсанг» к монгольскому периоду (Владимирцов, 2002).

Впрочем, в советский период влияние классового подхода в истории сказалось и в этом вопросе. Например, в «Очерках истории Калмыцкой АССР» вышедших в 1967 г. утверждалось: «Зайсанги... были вассалами тайшей. В своем владении они имели аймаки, состоявшие из разного числа семейств. Сравнивая зайсангов с русскими дворянами, источники тем самым подчеркивали, что зайсанги – такие же феодалы, как и дворяне» (Очерки..., 1967: 173).

Вызывают определенный интерес работы К.О. Эрдниева и В.П. Санчирова, опубликованные в 1980-х гг. (Эрдниева, 1987; Санчиров, 1990). В частности, В.П. Санчиров отметил: «Правители более мелких феодальных владений, малые тайши и зайсанги находились в зависимости от больших тайшей. Они должны были платить им подать скотом, принимать участие со своими воинами в их военных мероприятиях и т.д.» (Санчиров, 1990: 12). Работы В.Ш. Бембеева, У.Э. Эрдниева, А.В. Цюрюмова, Д.Б. Гедеевой, Е.В. Дорджиевой помогают уточнить позиции зайсангов в тех или иных конкретных ситуациях (Бембеев, 1984; Эрдниев, 1985; Цюрюмов, 1998; Гедеева, 2002; Дорджиева, 2002).

Таким образом, можно констатировать, что вклад зайсангства в историческую жизнь калмыков был важным и плодотворным, а изучение и освещение этого вклада в калмыцкой истории, мягко говоря, недостаточным.

4. Результаты

В XVII–XVIII вв. зайсанги в калмыцком обществе наравне с нойонами относились к «белой кости», в отличие от «чернокостных» простолюдинов. Большинство из них наследственно управляли аймаками, которые выделялись им нойонами. Имелись в небольшом количестве и безаймачные зайсанги, в основном личные служители нойонов. В исторической литературе о калмыках превалирует взгляд, что зайсанги являются дальними родственниками тайшей и нойонов, живших в конце Средневековья и начале Нового времени (Владимирцов, 2002: 435).

Нужно сказать, что подобное предположение весьма шатко. Но если это даже так и было в указанное время, то впоследствии, не говоря уже о XVIII в., многие зайсангские семьи происходили

из простолюдинов. Например, известный своей непредсказуемостью хан Дондук-Омбо. Как писали в Коллегию иностранных дел 29 ноября 1741 г. тогдашний астраханский губернатор В.Н. Татищев и руководитель Калмыцких дел В.П. Беклемишев: «многих владельцев перевел и протчих улусы и скот обрал, и большую часть зайсангов уничтожил и в убожество привел, а взяв ис подлости (из простолюдинов – М.Б.) и татар обогатил» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 133. Л. 35-36).

Перед исследователем в первую очередь встает вопрос: когда, в какое время и при каких обстоятельствах началось складывание будущего сословия зайсангов? В просмотренных мною материалах нескольких архивных фондов термин «зайсанг» впервые встречается в документе за декабрь 1672 г. В нем говорится, что в это время посланец астраханского воеводы Я.Н. Одоевского видел у хана Аюки крымского посла Тютяя-агу, который жил под защитой ближнего Аюкина человека Лударя зайсанга (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 2. Л. 24). Владимирцов предполагал, что во главе аймаков во второй половине рассматриваемого им периода (XIV–XVII вв.) находились зайсанги (Владимирцов, 2002: 433). Он же задавался вопросом: «откуда происходят эти тайши, зайсанги, хошучи и т.д. Из какой социальной группы они вышли?». На свои вопросы Владимирцов дает ответ: во времена Юаньской династии. Именно в это время, по его мнению, «высшие сановники – монголы носили именно те же титулы, почетные и действительные, и выполняли соответствующие своим званиям обязанности» (Владимирцов, 2002: 435). Думается, что маститый исследователь был на верном пути.

Возвращаясь к статусу зайсангов в калмыцком обществе рассматриваемого времени, нужно отметить, что отдельный представитель своего сословия был в полной власти своего нойона. Последний мог отобрать у зайсанга порученный ему аймак, заставить беспрекословно выполнять приказания и даже убить при определенных обстоятельствах или под влиянием самодурства. Только тогда, когда они выступали сплоченной группой против нарушения нойонами установленных законов и принятых обычаев. Тогда они могли надеяться на успех и часто добивались желаемого. Со своей стороны, нойоны, когда перед ними вставали сложные проблемы и затруднения, не могли не обратиться к собранию своих зайсангов за советом и помощью.

Для полной обрисовки статуса зайсангов, особенно в XVIII в., нужно ответить на вопрос: платили ли они подати своему нойону? Зайсанг Багацохуровского Зюневского улуса Бидрана жаловался В.Н. Татищеву, что его Дондук-Омбо уволил от податей, а владелица Нингба берет с него большие поборы скотом. Ханша Джан подтвердила, что Дондук-Омбо освободил Бидрану от податей, кроме трех: 1) Далай-ламе; 2) по смерти хана на поминки; 3) на приданое ханской дочери (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 177. Л. 23). Управляющий Калмыцкими делами в первой половине 1740-х гг. Н.Г. Спицын сообщал В.Н. Татищеву, который хлопотал о зайсанге Бедирне, у которого Дондук-Даши отнял 10 лошадей и еще братъ хочет, что лошади у него взяты в податъ, как и у прочих положено, а лишнего не брал, с чем и Бедирна согласился. Однако последний просил Спицына, чтоб его вовсе освободить от всех податей. Спицын об этом наместника не просил: «ибо это ему будет в противность, а зайсанг Бедерни человек достаточный, имеет у себя скота более 600, а збирается со ста по десяти скотины, так что платить без нужды может» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 178. Л. 40).

Сказанное выше, без всякого сомнения, предполагает, что зайсанги платили подать своему нойону. Однако в материалах имеются сведения, говорящие о прямо противоположном. Например, два брата зайсанги Темир-Болот и Дондук жаловались В.Н. Татищеву, что владелец их Замьян, которому они отданы Дондук-Дашей, обижают их без всякой причины «и лишает их зайсангства, так что с самих их подати братъ велит и бить грозится» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 177. Л. 23).

К зайсангам могли применяться телесные наказания. Так, за грабежи в русских уездах в августе 1740 г. двум зайсангам сломали по руке (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 123. Л. 47). За побег от Моздока из тысячного военного отряда зайсанги Хасан из Керетев и Хасак из Багутов были жестоко наказаны: им наложили на шеи колодки и содержали в таком положении перед наместниковой кибиткой 30 дней, а потом били публично плетками по 30 ударов каждому, а прочих зайсангов и рядовых за этот же побег штрафовали скотом (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 54. Л. 168). Остается неизвестным, почему двум зайсангам достались кнуты: может быть, они были зачинщиками побега?

Зайсанги могли продавать людей, причем не только своих холопов, но и, по видимости, своих аймачных податных. Но такое случалось редко. Так, один беглый крещенный Чюрень показывал при допросе, что его в 1727 г. их аймака зайсанги Бату-Темир и Занбин, будучи «под Царицыным за рекою Волгою продали его... Царицынскому секретарю Ивану Григорьеву за дватцать рублѣв» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 294. Л. 249-250).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть еще раз, что, несмотря на ряд привилегий, зайсанг мог в одночасье лишиться как своего звания, так и управляемого аймака. Например, тот же Дондук-Омбо зайсанга Теуку за провинность (поддержал восставшего против отца Галдана-Норбо, сына Дондук-Омбо) «из зайсангов уничтожа, аймак ево отдал Темер-Болоту» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 161. Л. 58). Положение и авторитет зайсанга зависели также от количества и зажиточности людей в его аймаке. Аюкин, знатный зайсанг Дурал Дюнбатыров владел 2000 кибитками (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 10). С другой стороны, в сентябре 1764 г. судья в Зарго зайсанг Джамцо писал руководителю Калмыцких дел А. Бехтееву, что он «претерпевает нужду в питании». А. Бехтеев подтвердил, что просьба его

законна, так как его собственный аймак насчитывает только 15 кибиток (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 472). Было зайсанги, у которых могло быть в управлении только до 5-6 кибиток.

Для нойона его зайсанги были опорой и советниками в сложных жизненных ситуациях. Одной из жизненных коллизий, где ярко проявлялось значение зайсангства, были междоусобные столкновения нойонских группировок. Когда в начале сентября 1724 г. начались события, связанные с выбором нового главы Калмыцкого ханства после смерти хана Аюки, в них большую роль сыграли зайсанги. 7 сентября к астраханскому губернатору А.П. Волынскому приехал Церен-Дондук, сопровождаемый 31 зайсангами. 13 сентября приехал к Волынскому Досанг, старший сын Чақдорчжаба и один из претендентов на ханское звание. Той же ночью приехал Шакур-лама, тогдашний глава калмыцкого духовенства, для переговоров с Досангом в присутствии губернатора.

Поздоровавшись, сели, и воцарилось довольно длительное молчание. Наконец Волынский сказал, чтоб они говорили о своих делах. Шакур-лама, деланно рассмеявшись, сказал, что ему говорить не о чем и у него ничего не отнято, а кому нанесена обида, тому и надо говорить. Досанг, не отличавшийся красноречием и большим умом, попросил, чтобы вместо него разрешили говорить сопровождавшему его зайсангу Билютке (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 134). Этот Билютка играл активную роль еще при Аюке, был его приближенным советником и известным в улусах и у российской администрации. Через него Досанг просил 25 февраля 1723 г., чтоб «для нынешних их внутренних ссор» прислали пороха и свинца. Волынский приказал послать по пуду того и другого (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 13. Л. 20-21). Билютка далее по поручению Досанга вел переговоры с Волынским 1 июня 1723 г. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 1). 2 октября 1723 г. Билютка вновь приезжал к Волынскому и обрисовал обстановку в улусах (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 3).

16 сентября Волынского вновь посетили Церен-Дондук с зайсангами, которые на переговорах настаивали, чтоб он при вступлении в должность наместника Калмыцкого ханства не давал присягу, а обменялся с Волынским договорными письмами с договорными статьями, как это сделали Аюка и боярин Б.А. Голицын. Волынский такую комбинацию начисто отверг (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 137). 20 сентября Церен-Дондук присягнул и был объявлен наместником, причем Шакур-лама возложил ему на голову бурхана и вместо него расписался, так как новоявленный глава ханства писать не умел. На церемонии присутствовали знатные зайсанги (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 148-149).

26 сентября Волынский устроил большой обед, на котором участвовали вместе с владельцами и знатные зайсанги (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 153-154). Однако названные церемонии еще больше накалили обстановку. Главным действующим лицом постепенно становился Дондук-Омбо, внук Аюки, племянник Церен-Дондука. В разгоравшийся костер междоусобья подбросили дров сыновья Чақдорчжаба (старшего сына Аюки) от разных жен. Возмутителем спокойствия здесь стал Дондук-Даши, недовольный выделенным ему при дележе наследства количеством кибиток. Наконец, по совету Билютки Досанг собрал всех своих зайсангов их оказалось 200 человек, но достичь согласия не удалось (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1725 г. Д. 2. Л. 81).

Приведу еще ряд примеров, которые показывают отношения зайсангов с их нойонами. Далеко не безоблачными были отношения между улусами, особенно между торгутскими и дербетскими. Последние, не желая подчиняться первым, часто откочевывали на Дон. В этих откочевках не всегда проявлялось единодушие дербетских зайсангов и нойонов. Так, в ноябре 1726 г., когда нойон Четер хотел от Дона идти обратно на Волгу, то зайсанги, которые желали остаться на Дону, присягали друг перед другом: «если кто из их нойонов будет переходить Дон на левобережье, то им, зайсангам, несмотря на это, кочевать обратно к Донцу, и хотя они потерпят разорение и скота своего лишаться, а к Волге все равно не кочевать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 62).

Интересные сведения можно извлечь из допроса зайсанга Наракбая, Менкоева сына. У него было примерно 60 кибиток. Раньше он входил в улус хошутского нойона Дондук-Хошота, но ушел от него и кочевал с его сыном Кичиком. Потом он переметнулся к Дондук-Даши, потому что, как он выразился, «владелец мой Кичик ко мне немилостив». Все это происходило в 1733-1734 годах (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 69. Л. 494-494об.). Из этого допроса мы узнаем, что отец и сын могли управлять отдельными аймаками и даже переходить от одного нойона к другому. К сожалению, в деле ничего не говорится об отношении к его поведению Дондук-Хошота.

Из другого архивного документа видно, что не все зайсанги обладали такой решительностью, как Наракбай. Например, после смерти Церен-Дондука его зайсанги объявили вдове бывшего хана Деджит, что они уже были разорены при жизни её мужа. Несмотря на это, с них до сих пор собирают подати: на Дондук-Даши, на Дарму-Балу, жену и детей Галдан-Данжина, (младшего сына Аюки) и на саму Деджит, «чего де они уже снести не могут и от того приходят во всеконечное разорение» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 145. Л. 61).

Действительно, о том, что в это время податной гнет в ханстве был тяжелым, говорят и другие свидетельства. Однако в этом были виноваты не только нойоны, но и многие зайсанги. 1 января 1745 г. В. Татищев, тогдашний астраханский губернатор, из-за болезни приказал заняться калмыцкими делами коллежскому асессору Ф. Черкасову. Он, будучи в марте в улусах наместника, спрашивал знатного Эби-гелюна, с которым был в дружеских отношениях: почему калмыки так много продают своих ясырей (холопов)? Степенный гелюнг, хорошо знакомый с обстановкой,

отвечал, что от скудости, так как с податного населения берут много поборов, а прибыли же ниоткуда нет. Раньше калмыки поправляли свои дела отгоном скота у казахов и татар. К тому же определенные от наместника судьи, (набранные из числа зайсангов), пользуясь положением, хотели разбогатеть, а наместник «судей не очень в страхе содержит и таким образом принуждены и холопей продавать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 209).

Ему же, Ф. Черкесову, говорил зайсанг Шонхолдок, Саков сын, что «калмыки в крайнее убожество от великих податей пришли». Из дальнейшего разговора выяснилось, что сборщики подати собирают не столько наместнику, а больше, так сказать, в свой карман. Ф. Черкесов спросил: «что ж ты и другие зайсанги не доносите об этом наместнику?» На это Шонхолдок ответил: «разве ты обычая наместникова не знаешь, ежели кто о чем ему предложит, тотчас резолюцию учинит, а исполнится ли тот приказ, до того ему дела нет». Некоторые зайсанги ему о том представляли, и он приказал рассмотреть вопрос о податях в Зарго, но приказ по каким-то причинам повис в воздухе (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 212-213).

Вообще, нужно отметить, что от престижа нойона, от его военной силы и даже характера зависело во многом и поведение его зайсангов. Например, В.П. Беклемишев доносил в мае 1727 г. главнокомандующему вооруженными силами юга России М.М. Голицыну, которому в то время подчинялись калмыцкие дела, что Церен-Дондук «никакой силы во владельцах не имеет» и без воли матери ничего предпринять не может. Его зайсанги открыто против Дармы-Балы и Дондук-Омбо ничего сказать не могут: боятся не ханши, а Дондук-Омбо. Если зайсангам случится необходимость сделать какое-то решение в пользу Церен-Дондука, то они «внушат простому народу, а простой народ приговорит по их воле, а бес совету простаго народу великих дел владельцы делать не могут» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 203).

14 февраля 1749 г. умер главный дербетский нойон Лабан-Дондук. 10 марта смерть постигла его старшего сына Сампил-Норбу, ушедшего после ссоры с отцом на Дон, и содержавшегося казаками под Черкасском в кибитках. Власть в улусе на время перешла к Абе, вдове Лабан-Дондука, у которой был малолетний сын Галдан-Церен. Зайсанги, почувствовав слабинку женской руки, «повелениям её в смотрении за улусными людьми не весьма послушны, на что смотря, подлые (простолюдины – М.Б.) калмыки приходят в самовольство» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 241. Л. 81).

Видимо, в ответ Аба и Галдан-Церен стали утеснять четырех зайсангов и отобрали у них часть людей, скота и т.п. Обиженные обратились с жалобой к наместнику и к руководителю калмыцких дел Н.Г. Спицыну. Ниже я привожу некоторые данные из ответа Абы, которые весьма интересны с точки зрения освещения внутриулусных отношений между нойонами и их зайсангами и предмета этих отношений. Эджибек, (один из зайсангов), - писала Аба, - объявляет о себе, что он посвятил себя богу «но: о том, де при бывшем Аюк хане Букун Лама и Гелюн Эмчи суд производили и положено, что без воли владельческой никто сам себя бурханом отдать не может, и так ис числа таковых ево выключили» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 284. Л. 31). Второй зайсанг Доржи просил о возврате четырех кибиток, но оказалось, что их еще Четер освободил от подати, а Лабан-Дондук от зайсанга. Он же, Доржи, просил отдать ему две кибитки, но эти семьи во время болезни Лабан-Дондука находились безотлучно при нем и имели за ним уход «во всякой чистоте. И хотя Лабан-Дондук не ожил, однако за такое их рачительное призрение и труды оставлены они с покоем» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 284. Л. 32) то есть, видимо, освобождены от податей. Третий зайсанг Дюкур, не выполнил трехкратные просьбы об освобождении ещё четырех кибиток за подобные же заслуги. Тогда обозленная Аба, рассудив, что люди не его, а владельцев, отобрали их от строптивного зайсанга (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 284. Л. 33-34).

Говоря о дербетских нойонах, добавлю еще несколько эпизодов по исследуемой теме. 1 марта 1750 г. был у Н. Спицына дербетский нойон Ценден и в разговоре наедине сказал, что зайсанги разлучили его с мачехой Эсенью (жена Солом-Доржи) и просил, чтобы запретили зайсангам так делать. Зайсанги ответили, когда им сказали о просьбе Цендена: пусть живет с ней, но «чтобы не было от этого излишней податной тяжести на улусных людей» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 242. Л. 7).

Оджа, дочь Дондук-Даши, была выдана замуж за дербетовского нойона Галдан-Церена и родила в 1756 г. сына Цебек-Убаши. Супруги не ладили друг с другом, и Оджа ушла от мужа к брату, наместнику Убаши (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 351. Л. 93, 96). Галдан-Церен по его просьбе был допущен до поездки в Санкт-Петербург, куда выехал 16 января 1764 г. Судьба была к нему неблагоприятна. Через небольшое время после приезда в столицу, ничего не успев достичь, он умер (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 351. Л. 475, 552). Оджа по просьбе нойона Тундата и зайсангов была 16 сентября 1764 г. отпущена в дербетские улусы для управления ими по малолетству сына, впредь до определения Коллегии иностранных дел. При этом со вдовы взяли подписку, что она будет управлять улусом в соответствии с данной ей инструкцией (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 464).

Дербетский зайсанг Лажин подал руководителю Калмыцких дел И.А. Кишенскому письмо, в котором говорилось: его отец, будучи при смерти, объявил Лабан-Дондуку, что после него аймаком должен владеть старший сын Лажин. При жизни Лабан-Дондука аймаком владел Лажин. Однако его младший брат от другой матери заявил нойону, что якобы Лажин скрытно продал одну кибитку людей. Но по суду Лажин был оправдан. Несмотря на это, младший брат аймак у него отнял. По второму суду аймак вновь был присужден Лажину. Кроме того, прошлой весной 1765 г., Оджа

приказала аймак вернуть Лажину, однако захватчик-зайсанг так и не отдал его (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 374. Л. 191-192).

Полковник Острогужского полка Тевяшов доносил М. Голицыну, что в мае 1727 г. пришли под Богучары 90 кибиток из улуса Четера, бежавшие от него из-за Волги в марте. Один из бежавших, зайсанг Чурюм, говорил: «Дед де ево и отец имели у себя калмык пятьсот кибиток и ныне за слабым судом Четеревым оные их от них розошлись по другим зайсангам, тако ж и разбежались в разные места» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 189). Чурюм неоднократно просил содействия Четера в возвращении ушедших и разбежавшихся аймачных людей, но нойон не принимал мер. Обиженный Чурюм с отцом Ябаном и старшим братом зайсангом Цеценом «выехал в Россию». Чурюм просил разрешения кочевать по р. Оскол. Содержат их в калмыцкой вере. М. Голицын отправил их обратно к Тевяшову. «И велено ему», Чурюму, «ехать по-прежнему к Волге во владенье владельца Четеря тайши» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 190).

Наконец, как акт нойонского произвола или недомыслия можно отметить распоряжение Оджи, приказавшей всем дербетским зайсангам с их семьями быть при ней безотлучно. По этому поводу А. Бехтеев, руководивший в 1764 г. Калмыцкими делами, резонно заметил, что если она хочет со всеми зайсангами советоваться, то собрать их можно. Но когда у них дел не будет, то надо отпускать их в аймаки, как это и делается у всех владельцев «и они, кроме тех зайсангов, кои уже с начала и домами при них находятся, других никогда быть при себе безотлучно не принуждают» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 472). Кроме этого случая мне в архивных делах встретился один-единственный случай, когда нойон собрал для совета всех своих зайсангов: это сделал Досанг в 1725 г., собрав 200 зайсангов (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1725 г. Д. 2. Л. 81).

Судьба не была благосклонна к Одже: она умерла 30 мая 1765 г. В связи с её смертью Бекетов 8 июня приказал: Согласно рескрипту Коллегии иностранных дел от 18 марта 1765 г., для предотвращения возможных неурядиц руководство дербетским улусом до совершеннолетия Цебек-Убаши (которому тогда было 9 лет), возложить на дальних родственников-нойонов Тундата и Цендена. Им предписывалось править посменно по году, а при них быть для помощи гелюнгу Араптану, зайсангам Баянцак Убаши, Габунгу и Лаку (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 363. Л. 128-129).

16 ноября 1741 г. близ Селитренного городка В.Н. Татищев объявил Дондук-Даши наместником Калмыцкого ханства (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 154-155). В беседе с наместником Татищев, вскоре назначенный астраханским губернатором, говорил, что Дондук-Омбо муку, получаемую в жалование, «отдавал калмыцкому народу за великую цену из роста, отчего калмыцкий народ пришел в наивысшее разорение и скудость». Дондук-Даши вслед за В. Татищевым осудил этот поступок предшественника и заверил, что «...сам намерен столько о исправлении убогих прилежать, сколько его возможности будет» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 203). На первых порах он взялся за дело с энтузиазмом. В декабре 1741 г. в разговоре с В.Н. Татищевым он сообщил, что во всех улусах запретил продавать «калмычат» однако в Астрахани у татар и бухарцев есть на продажу немалое число калмыцких детей. Наместник просил В. Татищева, чтобы он приказал «оним впредь покупать запретить, а имеющихся ныне у них переписать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 217).

В марте 1742 г. к Татищеву прибыл зайсанг Сойбин Иши и представил трех зайсангов, избранных наместником для разбора судебных и спорных дел между калмыками и русскими и для устройства «убогих» калмык по ватагам для работы (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 142. Л. 75). В 1745 г. Дондук-Даши определил якобы с общего согласия всего народа подати брать не натурой, то есть скотом и продуктами скотоводства, а деньгами. Надо сказать, что в целом это мероприятие было полезным, и в какой-то мере наместник был прав, когда писал: «ныне же, как деньгами расположено и потребности по письмам от нас самих исправляются, то наши улусы все тем стали быть довольны и радуются» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 350). В этом же письме наместник объяснял, почему понадобилось это нововведение: определенные для сбора податей зайсанги собирали ради своей корысти «излишняя подати, отчего некоторые и одолжали» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 353). Нетрудно в данном случае заметить, что наместник в своей бухгалтерской наивности не замечает рвущегося наружу вопроса: а что может помешать зайсангам брать излишние деньги в свой карман? Неудивительно, что управляющий Калмыцкими делами Н.Г. Спицын писал 30 июня 1747 г. новому астраханскому губернатору И.А. Брылкину о недовольстве простых калмыков политикой наместника, так как он их «несправедливостью нынешних их судов утесняет и частым подбором податей к совершенной скудости приводит» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 218. Л. 64).

В период правления Дондук-Даши участились требования российского правительства о посылке калмыцкой конницы на помощь русской армии. В связи с этим в архивных материалах сохранились очень важные и интересные сведения. Оказывается, существовало Уложение о командирующихся в службу по указам Великой Государыни. Сохранилась копия с прибавленного и внесенного в это Уложение пункта о порядке сбора зайсангом людей своего аймака, призванных на службу.

Каждый зайсанг должен был неукоснительно поставить к назначенному времени выделенных на службу людей своего аймака. Если данное предписание не будет выполнено, то провинившихся зайсангов штрафуют. С зайсанга, имеющего в своем ведомстве более 100 кибиток, берут четырехгодовалого верблюда. С тех зайсангов, которые имеют менее ста кибиток, берут хорошую

лошадь. Если из аймака какого-то зайсанга не придут к назначенному сроку несколько человек, то с зайсангов, с которых положено брать верблюда, сверх того, налагают штраф: за каждого человека по четырехлетней лошади, а с тех, с которых положена лошадь, – по трехлетней лошади. Если же зайсанг назначит в наряд людей, непригодных к военной службе, то этим людям необходимо до назначенного конечного дня сбора сообщить об этом начальству, и если зайсанг будет изобличен, то его оштрафуют на четырехгодовалую лошадь. Если же непригодный к службе, не оповестив об этом, самовольно останется в своем доме и пропустит назначенный день сбора, то с таковых зайсанг имеет право взять в штраф трехлетнюю лошадь и выслать его на положенную ему службу. Если же кто-то из направленных зайсангом на службу по всем правилам, «по своим вымыслам и упрямству» не идет служить, то у него зайсанг имеет право взять лошадь, бить плетью по двадцать ударов и выслать на службу (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 307. Л. 204).

В кочевой калмыцкой повседневности главным занятием было скотоводство. Однако по мере вживания калмыков в российскую повседневность появляются новые хозяйственные занятия, а у зайсангов – новые должности, которые регулируют новые отношения. Вот один из пропусков, которым снабжались группы недавних кочевников-скотоводов, идущих на заработки: «Объявители сего, кочующие при крепости Енатаевской владения наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши, Эркетенева улуса разных аймаков калмыки Габун Темиров, Зотбо Болотов с товарищи, всего дватцет человек отпущены отсюда до города Черного Яру для найму в работу...» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 42). Новые русско-калмыцкие отношения, вызванные хозяйственно-бытовыми новшествами, нуждались в действенном регулировании и контроле как со стороны калмыцких верхов, так и местной российской администрации. Из переписки Н.Г. Спицына с наместником в июне 1750 г. видна следующая характерная картина. Астраханская рыбная контора сообщила, что кочевавший поблизости Камызяцкого учуга зайсанг Бату откочевал тайно со своим аймаком «вверх» (то есть на север), а оставшиеся зайсанги Бирба и Шарап с небольшим числом кибиток, хотя там кочевать и желают, но боятся гонений бодокчеев. Если же они получают разрешение главных своих владельцев, то кочевать при учуге будут и «противу силы своей в работу людей давать будут» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 95). Рыбная контора с сожалением отмечала, что в лове рыбы «вящая остановка последовала». Поэтому контора требовала не отдалять калмыков от казенных учугов и Бату с его аймаком к учугу возвратит (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 95).

Зайсанги играли большую роль и при найме простолюдинов на ловлю рыбы. Баранг «с товарищи дватцет человек» из аймака зайсанга Джалчина, входящего в улус наместника, в 1768 г. подрядились у коломенского купца Антипа Набатова ловить 20 лодками красную рыбу (белугу, осетра и севрюгу) от вскрытия льда до 1 сентября. В договоре были прописаны условия оплаты и сумма задатка. За будущих рыбаков расписался их зайсанг, который был гарантом выполнения условий договора (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 352. Л. 26). В 1769 г. калмыки из разных аймаков улуса наместника подрядились у купца М. Костромина ловить собственными 96-ю лодками и прочими снастями «со вскрытия вешняго льда сентября по 1 число красную рыбу...» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 352. Л. 27). Такие договорные письма кончаются декабрем 1770 года. При кочующих близ рыбных станов и ватаг калмыках был определен для наблюдения за ними зайсанг, без ведома которого русским «промышленникам» нельзя было нанимать их для работы. Однако это правило нарушалось. Например, зайсанг Бааранг обратился с такой жалобой в Калмыцкие дела, и Н.Г. Спицын был вынужден специально объявлять всем приказчиком и ловцам ватаг и станов, чтоб они без ведома зайсанга в работу калмыков не нанимали (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 326. Л. 237-238).

В целом в рассмотренное время положение зайсангов не менялось. Резких толчков в отношениях зайсангов с простолюдинами не наблюдалось. Вместе с тем положение последних не улучшалось, что вызывало с их стороны протест. В одном из писем за 1764 г. А. Бехтеев писал капитану Тоганову, бывшему при ставке Убаши: «Что же принадлежит до того, что многие улусные калмыки, по притчине чинимых им от зайсангов напрасных обид и усильств начинают оказывать неудовольствие как на тех зайсангов, так и на заргачинаров», то надо об этом докладывать по инстанции, а иначе от таких «от зайсангов чинимых своевольств не иное, что в калмыцком народе как беспокойство произойти может» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 350-351). Остается сказать, что терпения у народа в запасе было еще достаточно, но это предмет дальнейших исследований.

5. Заключение

Калмыцкие зайсанги в XVIII веке по обычаю обладали сравнительно высоким статусом. Они продолжали руководить аймаками, оставаться опорой и ближайшими помощниками нойонов. При серьезных затруднениях владельцы могли обращаться к своим зайсангам. Однако их права и деятельность не были законодательно регламентированы, что сказывалось в их отношениях с нойонами. С одной стороны, нойоны могли отнимать у зайсангов их аймаки. С другой, зайсанги могли выступить против своих владельцев сплоченной группой и добиться успеха. Особенно если те нарушали законы и традиции. Вместе с тем зайсанги допускали произвол в отношении народных масс, что вызывало недовольство последних.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии. Проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (№ государственной регистрации: 122022700134-6).

Литература

- АВПРИ** – Архив Внешней Политики Российской Империи Министерства иностранных дел РФ.
- Бакунин, 1995** – *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Бембеев, 1984** – *Бембеев В.Ш.* О родоплеменных делениях и особенностях улусно-аймачной административной системы калмыков (XVII – XIX вв.) / Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Калмиздат, 1984. С. 59-73.
- Бичурин, 1834** – *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. медицинского департамента МВД, 1834. 275 с.
- Бюлер, 1846** – *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // *Отечественные записки.* 1846. Т. 47–49. № 7–8. С. 10-11.
- Владимирцов, 2002** – *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Гедеева, 2002** – *Гедеева Д.Б.* «Уложение 20-тысячного войска» как источник военного права калмыков XVIII в. / VIII-й Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.): Докл. рос. делегации. М.: Гуманитарий, 2002. С. 18–21.
- Дорджиева, 2002** – *Дорджиева Е.В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону. Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 112 с.
- Златкин, 1983** – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Костенков, 1870** – *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Небольсин, 1852** – *Небольсин П.И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев, 1834** – *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Новолетов, 1884** – *Новолетов М.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Изд. Владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова. 1884. 79 с.
- Очерки..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Паллас, 1773** – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1773. 657 + 117 с.
- Пальмов, 1922** – *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань. Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- Позднеев, 1886** – *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // *Журнал Министерства Народного Просвещения.* СПб., 1886. Ч. 244. С. 140-170.
- Попов, 1839** – *Попов А.В.* Краткие замечания о приволжских калмыках // *Журнал Министерства Народного просвещения.* СПб., 1839. Ч. 12. С. 20–31.
- РГАДА** – Российский Государственный Архив Древних Актов.
- Санчилов, 1990** – *Санчилов В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 138 с.
- Цюрюмов, 1998** – *Цюрюмов А.В.* Административная система Калмыцкого ханства в первой половине XVIII века / *Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. научных трудов.* Элиста: Калм. гос. ун-т, 1998. С. 23-37.
- Эрдниева, 1985** – *Эрдниева У.Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. книж. изд-во., 1985. 282 с.
- Эрдниева, 1987** – *Эрдниева К.О.* Списки «Монголо-ойратских законов 1640 г.» и их изучение / Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи изучения на современном этапе. Элиста, Калм. книж. изд-во, 1987. С. 28-42.

References

- AVPRI** – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii Ministerstva inostrannyh del RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation].
- Bakunin, 1995** – *Bakunin, V.M.* (1995). Opisaniye kalmyckikh narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo i postupkov ih hanov i vladel'cev: sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of

them the Torgout and the deeds of their khans and owners: an essay of 1761.]. Elista, Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 153 p. [in Russian]

Bembee, 1984 – *Bembee, V.Sh.* (1984). O rodo-plemennykh deleniyah i osobennostyakh ulusno-ajmachnoj administrativnoj sistemy kalmykov (XVII–XIX vv.) [About the tribal divisions and features of the Kalmyks' ulus-aimach administrative system (XVII–XIX centuries)]. Problemy etnogeneza kalmykov. Elista: Kalmizdat. Pp. 59–73. [in Russian]

Bichurin, 1834 – *Bichurin, N.Ya. (Iakin)* (1834). Istoricheskoe obozrenie ojratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present]. St. Petersburg, Tip. medicinskogo departamenta MVD, 275 p. [in Russian]

Byuler, 1846 – *Byuler, F.A.* (1846). Kochuyushchie i osedlo zhivushchie v Astrahanskoj gubernii inorodcy [Nomadic and sedentary foreigners living in the Astrakhan province]. *Otechestvennye zapiski*. 47–49 (7–8, 10–11). [in Russian]

Dordzhieva, 2002 – *Dordzhieva, E.V.* (2002). Iskhod kalmykov v Kitaj v 1771 g. [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu. Izd-vo SKNC VSh, 112 p. [in Russian]

Erdniev, 1985 – *Erdniev, U.E.* (1985). Kalmyki. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Kalmyks. Historical and ethnographic essays]. Elista: Kalm. knizh. izd-vo., 282 p. [in Russian]

Erdnieva, 1987 – *Erdnieva, K.O.* (1987). Spiski «Mongolo-ojratskih zakonov 1640 g.» i ih izuchenie [Lists of "Mongol-Oirat laws of 1640" and their study]. Maloissledovannyye istochniki po istorii dorevolucionnoj Kalmykii i zadachi izucheniya na sovremennom etape. Elista, Kalm. knizh. izd-vo, pp. 28–42. [in Russian]

Gedeeva, 2002 – *Gedeeva, D.B.* (2002). «Ulozhenie 20-tysyachnogo vojska» kak istochnik voennogo prava kalmykov XVIII v. [The Code of the 20 thousandth army" as a source of military law of the Kalmyks of the XVIII century]. VIII-j Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 5–12 avgusta 2002 g.): Dokl. ros. delegatsii. M.: Gumanitarij. Pp. 18–21. [in Russian]

Kostenkov, 1870 – *Kostenkov, K.I.* (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykah, kochuyushchih v Astrahanskoj gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks nomadic in the Astrakhan province]. Sankt-Peterburg, Ministerstvo gosimushchestv, 171 p. [in Russian]

NA RK – Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].

Nebol'sin, 1852 – *Nebol'sin, P.I.* (1852). Ocherki byta kalmykov Hosheutovskogo ulusa, sostavlennyye Pavlom Nebol'sinym [Essays on the life of the Kalmyks of the Hosheutovsky ulus, compiled by Pavel Nebol'sin]. St. Petersburg, Tip. K. Krajsya, 192 p. [in Russian]

Nefed'ev, 1834 – *Nefed'ev, N.A.* (1834). Podrobnyye svedeniya o volzhskih kalmykah, sobrannyye na meste N. Nefed'evym [Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev]. St. Petersburg, Tip. K. Krajsya, 290 p. [in Russian]

Novoletov, 1884 – *Novoletov, M.* (1884). Kalmyki. Istoricheskij ocherk [Kalmyks. Historical essay]. St. Petersburg, Izd. Vladel'tsa Maloderbetovskogo ulusa nojona Tseren-Davida Tundutova. 79 p. [in Russian]

Ocherki..., 1967 – Ocherki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktyabr'skij period. Moscow, Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]

Pallas, 1773 – *Pallas, P.S.* (1773). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj imperii [Travel to different provinces of the Russian Empire]. Ch. 1. St. Petersburg, Imp. AN, 657+117 p. [in Russian]

Pal'mov, 1922 – *Pal'mov, N.N.* (1922). Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people during their stay in Russia]. Astrahan', Kalmgosizdat, 137 p. [in Russian]

Popov, 1839 – *Popov, A.V.* (1839). Kratkie zamechaniya o privolzhskih kalmykah [Brief remarks about the Volga Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. 12: 20–31. [in Russian]

Pozdneev, 1886 – *Pozdneev, A.M.* (1886). Astrahanskije kalmyki i ih otnoshenie k Rossii do nachala nyneshnego stoletiya [Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. 244: 140–170. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Sanchirov, 1990 – *Sanchirov, V.P.* (1990). «Ilethel shastir» kak istochnik po istorii ojratov [“Ilathal Shastir” as a source on the history of the Oirats]. M.: Nauka, 138 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 1998 – *Tsyuryumov, A.V.* (1998). Administrativnaya sistema Kalmyckogo hanstva v pervoj polovine XVIII veka [The administrative system of the Kalmyk Khanate in the first half of the XVIII century]. Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii. Elista: Kalm. gos. un-t, p. 23–37. [in Russian]

Vladimircov, 2002 – *Vladimircov, B.Ya.* (2002). Raboty po istorii i etnografii mongol'skih narodov [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moskva, Vostochnaya Literatura, 557 p. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin, I.Ya.* (1983) Istoriya Dzhungarskogo hanstva [History of the Dzungarian Khanate]. 1635–1758. M.: Nauka, 333 p. [in Russian]

Положение калмыцких зайсангов в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в современном востоковедении проблеме – положению калмыцкого зайсангства, особенно его хозяйственно-управленческой роли в исторической жизни калмыцкого народа в ханский период. Работа основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. В ходе их анализа применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Сословие зайсангов играло большую роль в истории калмыцкого народа. Занимая срединное положение в сословной иерархии калмыков, они были связующим звеном между высшими и низшими сословиями всего народа. Зайсанги являлись опорой и ближайшими помощниками своих владельцев (нойонов) и могли использоваться для особых поручений или в качестве советников. При серьезных затруднениях владельцы могли обращаться к своим зайсангам. При этом зайсанги находились в полной власти своего нойона, который мог отобрать порученный ему аймак или даже убить его при определенных обстоятельствах. Однако зайсанги могли выступить против нойона сплоченной группой и добиться успеха, особенно когда тот нарушал установленные законы и общепринятые обычаи. По отношению к простолюдином зайсанги имели широкие полномочия, особенно в вопросах сбора налогов и распределения общественных повинностей, включая воинские мобилизации. Исторические обстоятельства привели к тому положению, что в сфере зайсангов был большой процент выходцев из сферы простолюдином. Вместе с тем в ряде аймаков должность зайсанга становится наследственной. В целом как сословие зайсангство обладало большими возможностями и имело действенные рычаги для управления калмыцким обществом в нужном для него направлении.

Ключевые слова: зайсанги, калмыки, кочевники, сословная группа, социальные отношения, Калмыцкое ханство, зарго.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nel_max73@mail.ru (М.М. Батмаев)